8. *Слюсарева Н. А.* Теория Фердинандо де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.

9. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр Труды по языкознанию. М., 1977.

10. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

А. В. Гриценко

К вопросу о содержании концепта ложь

В последнее время в гуманитарных науках, в том числе и языкознании, наблюдается нарастание интереса к проблемам понимания сущности *лжи*, *обмана*, *неправды*, *дезинформации* и т. п. У любого исследователя, обратившегося к этим проблемам, сразу же возникает вопрос об общности или различии в содержании названных понятий.

На наш взгляд, приведенные выше слова, хоть и являются средствами объективации одного концепта, не являются синонимами. Так, Словарь русского языка С. И. Ожегова говорит: «**ложь** – намеренное искажение истины, неправда» [7, с. 291]. Почти такое же определение дано и в других толковых словарях. Подобным образом трактуют это понятие словари по этике и психологии.

Практически во всех определениях **ложью** называется **намеренное** искажение истины. Действительно, ложью обычно называют умышленную передачу сведений, не соответствующих действительности. Цель лгущего – дезинформировать собеседника, посредством вербальных и невербальных средств коммуникации сформировать у него несоответствующее реальному положению дел представление.

Особо надо остановиться на так называемой «лжи молчанием». Некоторые исследователи не придают значения тому, была ли *ложь* произнесена, или нет, и по их мнению, сокрытие правды – такая же ложь, как и произнесение неправды.

Мы в целях своего исследования постарались выработать критерии, которые позволяют нам последовательно отграничивать *ложь* от других способов введения человека в заблуждение, и один из основных сформулирован еще Блаженным Августином: «Ложь – это сказанное с желанием сказать ложь» [1, с. 11]. Слово «сказанное» в данном случае считается нами релевантным. При умолчании же лжец скрывает истинную информацию, но и не сообщает ложной. Кроме того, антонимом слова *лгать* являются слова *говорить правду*, значит, сема говорения входит в структуру

понятия *ложь*. Чаще всего в научных исследованиях понятия *ложь* и *обман* разводятся именно по признаку включенности или исключенности вербального поведения. Так, А. Вежбицкая ограничивает контекст употребления глагола «лгать» рамками вербального сообщения [5, с. 8], к каковому относятся как устные, так и письменные речевые произведения. Таким образом, по нашему мнению, ложь всегда основана на вербальном или невербальном намеренно неистинном, лживом утверждении, в то время как при других формах обмана (например, списывание на экзамене) или умолчании субъект может ничего не утверждать.

Указание на умышленность, сознательность, намеренность выделяется всеми источниками, поэтому релевантным является также и интенциональный аспект. Однако нельзя не согласиться и с теми исследователями, которые утверждают, что *ложь* может быть и непреднамеренной, и даже неосознанной [2, с. 43]. Ведь с логической точки зрения любое суждение, содержание которого неверно отражает действительность, следует признавать ложным, и для логики не имеет значения, намеренно говорящий исказил факты или нет. В таком случае одни ученые предлагают термин *частичная ложь*, другие – *ошибка*, *заблуждение*, ложное знание, принимаемое за истинное. *Ошибка* или *заблуждение*, как правило, возникают вследствие отсутствия достаточного объема информации об объекте, личности, процессе, явлении.

Вербальным элементом *ошибки* или *заблуждения*, по определению В. В. Знакова, является *неправда*: «человек верит в реальность существования чего-то, но ошибается – в результате он говорит неправду, сам того не осознавая» [1, с. 10]. Таким образом, в содержании понятий *неправда*, *заблуждение* может отсутствовать сема «сознательность» в искажение фактов, истины.

Так же нельзя считать эквивалентными *лжи аллегорию*, *шутку*, *иронию*, *метафору* и т. п. Более того – это описание действительности нередко во многом соответствует реальности и имеет целью раскрыть особенности объекта, а не изобразить его в ложном свете. Часто только в контексте слова и выражения слова и выражения приобретают смысл, который противоположен их буквальному значению.

Сказку, *фантастику*, *мистификацию*, *вымышленные миры* тоже нельзя назвать *ложью*, несмотря на то, что их содержание может абсолютно не соответствовать действительности. Напротив, их можно считать правдой, только особого рода: сказка «характеризует истинность знаний рассказчика и слушателя, относящихся не к реальному миру, а к существующей в их сознании модели мира» [1, с. 11].

Кроме того, есть и другие понятия, которые одни ученые определяют как синонимы, другие – как принципиально отличные друг от друга. Например, понятие *дезинформации* иногда толкуется как абсолютный синоним слова *ложь*, в других случаях – как более широкое, родовое понятие по отношению ко *лжи*. «*Дезинформация* – передача (объективно) ложного знания как истинного или (объективно) истинного знания как ложного» [6, с. 83].

Обман многие исследователи считают более широкой категорией, чем *неправда* и *ложь*. По мнению одних ученых, *обман* – это «полуправда, сообщенная партнеру с расчетом не то, что он сделает из нее ошибочные, не соответствующие намерениям обманывающего выводы. Полуправда – потому что, сообщая некоторые подлинные факты, обманщик умышленно утаивает другие, важные для понимания целого» [1, с. 14].

По мнению других ученых, *обман* не ограничивается словами, в отличие ото *лжи*, а включает еще и действие. Таким образом, *обман* является более объемным понятием, чем *ложь*, так как кроме собственно говорения, произнесения неправды, т. е. речевого акта, он обязательно подразумевает и действие, т. е. поведенческий акт. Более того – он вообще может быть невербальным, когда человек не сказал ничего – ни слов правды, ни слов лжи, или использовал какие-то жесты. Следовательно, *обман* может осуществляться без произнесения каких бы то ни было ложных утверждений или любого другого использования языка.

Однако, как утверждают некоторые исследователи, это вовсе не означает, что *обман* является гиперонимом по отношению ко *лжи*. Так, существует точка зрения, что не все случаи *обмана* включают *ложь*.

Таким образом, и *неправда*, и *обман* основаны на неполноте сообщаемой информации, а различаются они отсутствием/наличием намерения искажения истины у передающего эту информацию человека.

Что касается отличий *лжи* от *обмана*, то они заключаются в следующем. «Ложь направлена на изменение референтного компонента знаний собеседника об обсуждаемой ситуации, а обман обращен к концептной составляющей знания, субъективной модели мира партнера по общению» [1, с. 16]. Таким образом, *ложь* является намеренным искажением информации безотносительно к результату этого искажения (в нее могут поверить, а могут и нет), а *обман*, как ни парадоксально, может и не содержать собственно *лжи* – этот эффект искажения информации создается в сознании объекта.

Кроме того, *ложь* соотносится чаще с межличностными отношениями. *Обман* же нередко связан с материальной сферой: мошенничеством, нарушением торговых соглашений и т. п., то есть с тем, что ведет к реальным материальным потерям.

Итак, содержательный минимум понятия *ложь*, на наш взгляд, включает следующие признаки:

- воздействие, осуществляемое через коммуникацию и направленное непосредственно на объект;
- искажение фактов, несоответствие действительности;
- субъект сам не верит в правдивость того, что говорит;
- намеренное;
- оформленное вербально.

Рассматривая концепт как ментальную единицу в свете теории о его полевой структуре, мы считаем, что вышеназванные признаки составляют ядро концепта ложь. Приядерная зона представлена мотивами, обстоятельствами, видами, «инструментами» лжи, а зона ближайшей и дальнейшей периферии – соответственно модально-субъектными смыслами и образными ассоциациями.

Передача информации, будь то ложной или истинной, изначально предполагает ситуацию общения. Говорящий (пишущий) преподносит имеющуюся у него информацию как истинную. Впрочем, необходимо отметить, что полностью ложные сообщения встречаются достаточно редко, гораздо чаще они бывают частично ложными, где «непроизвольные искажения реального факта и умышленная ложь прихотливо переплетены» [3, с. 20].

И тем не менее солгавший всегда надеется на то, что его *ложь* останется незамеченной. Более того, он убежден, что ложь навязана ему правилами, регулирующими общественные отношения в целом.

Н. Н. Панченко была выделена некая прототипическая схема ситуации *обмана*. Следуя толкованию понятия прототипа как эталонного образа, отражающего концептуально существенные свойства представления об объекте, это представление об обмане можно представить следующим образом:

«Х ***обманул*** У-а=

Х сказал и/или сделал нечто У-у

Х знал, что это неправда

Х сказал и/или сделал это, потому что хотел, чтобы У думал, что это правда» [4, с. 169].

Очевидно, что в этой ситуации есть как минимум два участника: Х – субъект (неважно, один это человек, группа людей или даже какие-то общественные институты – средства массовой информации, к примеру) и У – объект (эта позиция может быть так же занята и индивидуумом, и коллективом, и социумом). Обозначены два главных условия: во-первых, субъект знает, что сообщаемое им – неправда (это позволяет отграничить ситуацию лжи/обмана от внешне схожих ситуаций ошибки, заблуждения и т. д.).

Во-вторых, он действует намеренно, и его цель, скорее всего, не ограничивается простым введением объекта в заблуждение, а идет дальше – оказать влияние на него, манипулировать им.

Характерно, что данная схема лишена оценочности (действия субъекта не отмечены ни знаком «плюс», ни знаком «минус»), и потому может быть наполнена любой «фактурой».

Таким образом, представленная схема несет обобщенную информацию о данном акте, абстрагируясь от множества деталей, и наполняется определенным содержанием в каждом контексте, в каждом конкретном случае.

Обман не всегда может быть асоциальным. Так, он может быть содержанием и смыслом некоторых санкционированных государством и обществом действий: искусство иллюзионистов и актеров, например. В таком случае люди согласны на то, чтобы их обманывали, и даже готовы платить за это.

Обман и *ложь* служат одной из форм социальных противоречий, выражая эгоистическое обособление, конкуренцию, всевозможные способы достижения своих интересов и целей за счет других или вопреки желаниям других.

Ложь имеет множество **форм** и **видов**, и столь же велико и многообразие **мотивов** лжи.

В большинстве случаев, как было уже указано, ложь носит осознанный и намеренный характер, и обычно она вызвана стремлением добиться личных или социальных преимуществ в конкретных ситуациях. Но не обязательно целью лжи является получение выгоды. Люди, обладающие живым и пылким воображением, никак не могут ограничиться представлением «голого» факта, а должны непременно его «дорисовать», разнообразить красочными и оставляющими неизгладимое впечатлениями подробностями.

Интересно, что, по выводам ученых, только семь процентов людей в России считают, что солгать можно ради сохранения чести и достоинства своей и близких. Зато на вопрос, можно ли ради спасения обвиняемого, если ты уверен в его невиновности, дать ложные показания в суде, русские не задумываясь дают положительный ответ.

И все же человек не лжет по какой-либо одной причине. Согласно выводам исследователей, чаще всего люди лгут из-за страха и малодушия, на втором месте – любовь к близким, жалость, сострадание, желание защитить, далее идет ложь из корыстных побуждений, лгут из вежливости, и еще реже ложь обусловлена тщеславием, завистью, верностью друзьям, также лгут из-за престижа, ради кокетства и т. д.

Самая простая **классификация** *лжи* представлена в работах российского психолога В. В. Знакова. Суть ее сводится к следующему: различают

два вида лжи. Одна – ложь в межличностных отношениях, ради личных корыстных целей, и она, как правило, осуждаема обществом. Другая – ложь представителям государства: милиционеру, чиновнику. Эта ложь считается социально оправданной. По принципу «Как государство со мной, так и я с ним».

Проблема лжи – одна из центральных в человеческой жизни. Ложь – противоречивый, многоплановый, крайне запутанный **психологический феномен**.

Отношение ко лжи традиционно различное у разных народов. Однако в зависимости от ситуации *ложь/обман* может восприниматься и европейским, и азиатским, и российским социумом как явление необходимое (например, сохранение государственной тайны, тайны следствия, врачебной тайны), а не только как безнравственное и преступное (например, дача ложных показаний, утаивание улик, обман покупателя).

В связи с этим *ложь* оказывается одним из самых опасных элементов в поведении людей, в первую очередь она опасна тем, что дезориентирует человека в мире знаний (ценностей), как бы ослепляя его. Она оказывает деструктивное влияние на межличностные отношения, подрывая доверие между людьми.

Проблема моральной оправданности лжи является столь же древней, как и сама ложь. И хоть Блаженный Августин и многие его последователи настаивали на том, что ложь – всегда грех, даже если она непреднамеренная, обществом принимаются и понимаются ситуации, в которых ложь почти целиком обусловлена обстоятельствами. Практически каждый лгущий пытается оправдать свою нечестность давлением этих самых обстоятельств, снимая с себя ответственность за совершение осуждаемого социумом проступка.

Нередко ложь даже как бы получает этическую санкцию, поскольку считается, что она иногда может быть использована во благо. Речь идет о так называемой лжи во спасение, лжи во благо, которая мотивируется альтруистическими соображениями, не противоречит общечеловеческим ценностям и может быть интерпретирована как совпадение интересов субъекта и объекта *лжи*, *обмана*. В таких случаях обман можно рассматривать как одну из функций социального института, даже государства в целом, и тогда его морально-этическая оценка становится в принципе невозможной.

Итак, именно общество, осуждая и преследуя *ложь* по закону, в то же время создает необходимые предпосылки для *лжи* и *обмана*, санкционирует и легализует известную долю *лжи*, нормирует ее, поощряет *ложь* и даже изобретает и демонстрирует новые способы *лжи*.

В основе метафоры *лжи/обмана* лежат, согласно выводам исследователей, несколько образов. В качестве примеров приведены фразеологизмы, объективирующие рассматриваемый нами концепт:

1. **Средство ловли/пленения**: *попадаться на удочку / на крючок, плести паутину, пойти на поводу* и др.

2. **Театр**: *играть роль, ломать комедию, носить маску* и др.

3. **Грязь, нечистоты**: *поливать грязью, облить помоями* и т. д. *Мозги промывают, полощут*, словно грязное белье.

4. **Физическое воздействие** на человека, в основном на его мозг, органы зрения и слуха: *в глаза пускают пыль, на уши вешают лапшу, мозги вправляют и компостируют* и т. д.

5. **Игра** – *оставить в дураках, втирать очки* и т. д.

6. **Поведение животных** – *врать как сивый мерин, вертеть хвостом, извиваться ужом* и т. д.

Концепт *ложь/обман* обладает несомненной коммуникативной релевантностью, и ценностная значимость данного концепта для русского сознания довольно велика.

Содержание концепта неисчерпаемо, но максимальное количество проанализированных примеров, условий употребления, контекстов, возникающих у носителей языка ассоциаций позволит нам сделать достаточно достоверные выводы о том, как репрезентируется концепт при объективации различными языковыми средствами.

Библиографический список

1. *Знаков В. В.* Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9–16.

2. *Лукин В. А.* Слово *ИСТИНА* и идея тождества // ИАН СЛЯ. 1993. Т. 52, № 1. С. 35–48.

3. *Нуркова В. В.* Проблема истинности автобиографических воспоминаний в процессе судопроизводства // Психол. журнал. 1998. Т. 19, № 5. С. 15–29.

4. *Панченко Н. Н.* Концептуальное пространство обмана во фразеосистеме русского и английского языков // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. / ВГПУ; СГУ. Волгоград: Перемена, 1998.

5. *Панченко Н. Н.* Метафорическое осмысление лжи и обмана // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1999. С. 172–178.

6. *Свинцов В. И.* Заблуждение, ложь, дезинформация (соотношение понятий и терминов) // Филос. науки. 1982. № 1. С. 76–84.

7. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1982.

Н. А. Депутатова

Стимулирующие реплики побудительной семантики, маркированные по признаку индикация пригодности для агенса каузируемого действия/воздерживания от действия

Данная область макрополя побуждения, включающая в себя стимулирующие реплики побудительной семантики (СРПС) диалогического единства (ДЕ) – совет, вычленяет поля: СРПС ДЕ – рекомендация; СРПС ДЕ – предостережение; СРПС ДЕ – угроза; СРПС ДЕ – предупреждение.

Рассмотрим СРПС ДЕ – совет. Совет представляет собой косвенный вид побуждения к действию, которое, по мнению Говорящего, будет полезным, целесообразным для собеседника. Ролевая структура совета та же, что и у просьбы, т. е. источником побуждения является Говорящий, а исполнителем и ответственным за принятие решения – Адресат. Различие заключается в отношении собеседников к потенциальному действию, в степени их заинтересованности. Если пользоваться шкалой «затрат и выгод» (cost and benefit), то просьба относится к действию – выгодному для Говорящего, а совет – к действию – выгоду от которого получает адресат.

Совет – это мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что сделать; наставление, указание (Толковый словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой).

To advise – to tell someone what you think they should do, especially when you know more than they do about something (Longman Dictionary of Contemporary English).

Анализируя прагматические варианты совета, Е. И. Беляева различает:

• «инициативный» совет, к прагматическим пресуппозициям которого относятся:

– предположение говорящего о том, что адресат собирается совершить действие $Д^1$;

– мнение говорящего, что альтернативное действие $Д^2$ будет для адресата более полезным [2, с. 38];